

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский

Было время, когда журналы в Европе по преимуществу назывались «зрителями»; теперь имя «обозрений» (revues) осталось за ними исключительно и значит то же самое, что у нас, на Руси, слово «журнал», а журналами называются там газеты. В этих названиях столько же основательности и толку, сколько у нас неосновательности и бестолковости. Большая часть журналов у нас выходит один раз в месяц, тогда как иностранное слово «журнал» совершенно равнозначительно русскому «дневник» или «ежедневник». Слово «газета», оставшееся у нас преимущественно за теми периодическими изданиями, которые за границей называются «журналами», не выражает никакого смысла, почему почти и оставлено в Европе. Еще более основательности и глубокого смысла видно в замене слова «зритель» словом «обозрение»; эта перемена как нельзя лучше характеризует собою две эпохи – одну, когда люди только созерцали и смотрели на жизнь, как на занимательный спектакль, и другую, когда люди уже не довольствуются только тем, что смотрят глазами, а хотят вместе с тем смотреть и умом. Предшествовавшая эпоха была созерцательная; настоящая эпоха – сознательная. Отсюда-то и происходит эта живая, беспокойная, тревожная потребность, едва кончив дело, обозреть его поскорее, едва пройдя несколько шагов, оглянуться назад и отдать себе отчет в пройденном пространстве. Это доказывает, что теперь факты – ничто, и одно знание фактов также ничто, но что все дело в разумении значения фактов. Мы этим отнюдь не хотим сказать, чтоб фактическое знание было ненужно, бесполезно: мы хотим сказать только, что знание фактов без разумения их еще не есть знание в истинном и высшем значении этого слова. Без знания фактов невозможно и разумение их, потому что, когда нет фактов, как данных, как предметов знания, тогда нечего и уразумевать; следовательно, и фактическое знание необходимо; только без философского знания оно будет таким же призраком, как и философское знание без фактического подготавливания и основания. И действительно, в прежнюю, созерцательную эпоху только смотрели на то, что делалось на белом свете, и, посмотрев, записывали, что видели; теперь смотрят еще пристальнее, еще внимательнее, но, смотря, вникают и судят, и тогда только почитают себя что-нибудь увидевшими, когда откроют смысл и значение увиденного, переведут факт на идею.

У нас общественная жизнь преимущественно выражается в литературе. Поэтому ничего нет мудреного, если все наши журналы по преимуществу – журналы литературные, наполняемые или произведениями литературы, или толками о литературе. Наука у нас еще слишком нежное и слабое растение, которому еще некогда было даже пустить корни, не только развернуться пышным и благоуханным цветом. Это, впрочем, не значит, чтоб у нас не было науки: это значит только, что наука на Руси до сих пор еще что-то вроде элевзинских таинств, – исключительно достояние небольшого избранного класса людей, а не целого общества, как в Западной Европе. Многие еще из посвящающих себя исключительно науке у нас учатся не для знания, а для аттестатов, открывающих путь к разным преимуществам по службе. Заседания ученых обществ в глазах нашей публики – род спектакля, на который должно смотреть с приличною важностью, не зевая. Сам Араго {1} не привлек бы своими чтениями и отчетами разнообразной и полной просвещенного интереса толпы. Вот почему мы говорим, что наука на Руси пока еще – нежное и слабое растение, не успевшее еще пустить корни в новую, не разработанную для него почву и поддерживаемое только благородными, великодушными усилиями просвещенного правительства. Зато литературные публичные чтения, затеянные сколько-нибудь известным в литературе лицом, у нас могут привлекать разнородную толпу, которая готова стекаться на них всегда с большим или меньшим интересом, и не только (так или сяк) будет понимать их, но еще и принимать их с этим восторгом или с этим неудовольствием, которые всегда означают живое участие к делу литературы. Уж нечего и говорить о том, что все сколько-нибудь замечательные литературные произведения находят себе у нас покупателей и почитателей; некоторые журналы поддерживаются значительным числом подписчиков, журнальные мнения разделяют публику на литературные котерии. Последнее обстоятельство особенно важно. Без литературного мнения, сколько-нибудь оригинального и самобытного, высказываемого с большим или меньшим умом и талантом, теперь и у нас журнал уже не может иметь успеха. Критика в отношении к успеху и влиянию журнала начинает становиться едва ли не важнее самих повестей. Правда, под «критикою» у нас еще не все разумеют рассмотрение произведений искусства на основании науки изящного; напротив, большая часть публики добродушно почитает критикою всякую болтовню о литературных предметах,

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
всякую рецензию на пустую книжонку, – и потому у нас стоит только назвать себя критиком, чтобы прослыть критиком. Так, иной нравоописательный сочинитель, в жизнь свою не написавший ни одной критической статьи, никогда и не слыхивавший, что есть на свете наука изящного, философия искусства, совершенно чуждый какого-нибудь взгляда на поэзию, какого-нибудь убеждения, тем не менее гордо величает себя «критиком» потому только, что давно уже марают статейки в плохой газете, где бранит сплеча всякий талант, всякий успех, заслоняющий его, или, помирившись с подобным себе витязем, потом бранит его, а после опять мирится с ним – до новой мировой сделки и новой размолвки и постоянно хвалит только себя и свои книжные изделия. {2} Но все это нисколько не противоречит высказанному нами мнению о важной роли, которую играет критика в наших журналах, как выражение литературных понятий, убеждений и мнений; притом же наша критика состоит не из одних таких жалких явлений, но по справедливости может гордиться и утешительными исключениями. Итак, этот успех журналистики, душа которой – критика, служит самым ясным и неопровержимым доказательством, что литература, наконец, укоренилась на почве русской национальности, вошла в жизнь общества, сделалась его обычаем и живою потребностью и уже перестала быть внешним нововведением, модою или книжным педантизмом. Поэтому ничего нет удивительного, что у нашего общества литература стоит на первом плане и что у нас с важностью рассуждают и с горячностью спорят о том, о чем за границею говорят хладнокровно, как об интересе важном, но уже второстепенном и отнюдь не исключительном.

После всего этого должно казаться странным, что в современных русских журналах, за исключением «Отечественных записок», нет ни исторических, ни годовых и никаких обзрений русской литературы. И это тем страннее, что с небольшим за десять лет назад обозрения такого рода были в большом ходу: ими наполнялись журналы, без них не могли обходиться альманахи. Потом вдруг как и не бывало литературных обзрений! Кроме равнодушия к делу литературы, этому не может быть другой причины: по словам мудрой русской пословицы – что у кого болит, тот о том и говорит. Скажут: вольно же ребячиться и толковать о пустяках! Хорошо; но если литература для кого-нибудь пустяки, так пусть же тот и не издает литературных журналов, чтоб не противоречить самому себе и не обнаружить, против своей воли, каких-нибудь совсем не литературных целей, а, например, торговых и т. п. Кто на литературу смотрит, как на что-то важное в глазах того обозрения литературы не могут не иметь большой важности. Литературные обозрения – это живая летопись мнений различных эпох; а как Россия во многих отношениях развивается непомерно быстро, то у нас что год, то и эпоха, следовательно, и летописи нашей литературы не могут не быть разнообразны, живы и интересны. Любопытно наблюдать за процессом мнения об одном и том же предмете в разное время, у разных поколений; любопытно видеть, как думали, например, о Ломоносове или Державине в их время и как думают о них теперь. Любопытно видеть итоги каждого года и по ним следить за каждым успехом литературы, за каждым ее шагом вперед. И потому мы думаем, что публика не может не одобрить принятого нами намерения – начинать каждую первую книжку нового года «Отечественных записок» взглядом на прошлогоднюю литературу, – намерение, которое уже сряду третий год постоянно выполняется нами, не в пример прочим журналам.

Литературные обозрения первый начал Марлинский. Его статьи в этом роде имели чрезвычайный успех в публике. На них смотрели, как на что-то необыкновенное, гениальное. Теперь они не более, как интересный факт для истории русской литературы. Теперь уже никого не изумят фразы, что Ломоносов озарил своим явлением Русь подобно северному сиянию, что стихи Пушкина – жемчуг, рассыпанный по бархату, и т. п. Но в свое время обозрения Марлинского были действительно необыкновенным явлением, которое не могло не показаться великим. Критика, до Марлинского, была книжною и педантической, без истинной учености, без всякого отношения к современному состоянию науки об изящном. Истинному глубокомыслию и истинной учености прощается и тяжеловатость, и педантизм, если они как-нибудь приросли к ней; но педантизм и школьничество, не выкупаемые мыслию и основательностью, – самая отвратительная вещь в мире. Наша ученая критика того времени не справлялась с ходом времени и повторяла избитые общие места о старых писателях, упорно не признавая в Пушкине ни таланта, ни заслуги. Марлинский заговорил о литературе языком светского человека, умного, образованного и талантливого, заговорил языком новым, небывалым, острым, блестящим. Ради этих, новых тогда, достоинств никто не заметил жидкости содержания в его часто до изысканности оригинальных и блестящих фразах, неопределенности в его характеристиках. Удержав, по старой памяти, кое-что из мнений прежнего времени, Марлинский все это выражал, однакож, новым образом, отчего и старые мысли приняли у него вид новых; увлекаясь очень понятным пристрастием к современному,

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru он иное хвалил не по достоинству, но зато умел восхищаться всем истинно прекрасным и тяжко поражал своим фейерверчным остроумием посредственность и бездарность. Одно уже то, что он был страшным врагом ложного классицизма и сильным союзником плохо понимаемого и нового, тогда так называемого романтизма, – одно уже это облекало в мистическое величие его достоинство как критика. После Марлинского неутомимым «обозревателем» был весьма известный в свое время, но теперь совершенно забытый г. Орест Сомов. В его статьях не было никакого литературного мнения, никакого основания, никакого блеска, и они скоро всем надоели и обратились в предмет насмешек со стороны всех журналов. Потом замечательнейшею статьею в этом роде было «Обозрение русской словесности 1829 года» г. И. Киреевского, напечатанное в «Деннице» г. Максимовича. В статье г. Киреевского чувствуется присутствие мысли; по крайней мере есть несколько отдельных мыслей, верных и оригинальных; но приложение их отзывается неопределенностью и не идет к делу. Г. Киреевский не только безусловно и безотчетно превознес, а не оценил, – ибо оценка есть суждение, а не гимн хвалебный, – историю Карамзина, но и разные маленькие знаменитости того времени. Так, например, он накинул душегрейку новейшего уныния на греческую музу Дельвига, между тем как в подражаниях Дельвига древним еще менее античного, пластического и антологического, чем русского в его русских песнях. Даже в стихотворениях г. Шевырева г. Киреевский нашел только один недостаток – не отсутствие поэзии, которой в них совершенно нет, не дикую вычурность абстрактных идей и напряженного выражения, а излишество мысли!.. Это обозрение возбудило против себя сильную враждебность в журналах сколько по своим парадоксам, столько и по некоторым истинам, горьким и резко высказанным, которые не всем могли понравиться.

Вообще главный отличительный характер всех прежних литературных обозрений состоит в том, что они обольщались мнимыми литературными сокровищами. Отрывок из неоконченной поэмы считался важным приобретением для литературы; плаксивая элегия, напечатанная в альманахе, возбуждала толки и споры; всякая повестца считалась дивом. Теперь смешно и вспомнить, как все были заинтересованы коротенькими отрывочками из повести Байского «Гайдамаки», {3} повести, действительно недурной по рассказу, но тянувшейся несколько лет и оставшейся без конца и связи. Даже роман г. Б. Ф(Ф)едорова «Андрей Курбский» возбуждал ожидание и толки. Числительное богатство принималось за качественное, и этому богатству конца не видели. Книг было немногим больше теперешнего, но зато почти каждая книга считалась важным явлением в литературе; крохотные отрывочки в крохотных альманахах, каждое стихотворение, даже эпиграмма, – все это поименовывалось в «обозрениях» и причислялось к общей сумме литературного богатства. Иначе и быть не могло. Всякая важная новость, сменяющая собою надоевшую старину, принимается заодно с достоинством и совершенством. Так называемый романтизм был тогда еще новостью, и потому почти всякое «романтическое» произведение почиталось «превосходным» произведением. Восхищение отнимало способ думать и судить.

В чем же должен состоять характер литературных обозрений нашего времени? И даже есть ли теперь что-нибудь, что обозревать? Ведь теперь и книг меньше, и журналов меньше, стало быть, и литература вообще беднее?

Так может казаться, но не так это на деле. Мы сейчас сказали, что богатство прежнего периода нашей литературы было больше числительное, нежели качественное, больше воображаемое, нежели существенное. Истинное ее богатство состояло в произведениях Пушкина да в «Горе от ума» Грибоедова; кое-что из остального имело свое относительное достоинство, а большая часть – ровно никакого, между тем как все это принималось тогда почти с таким же энтузиазмом, как и новые произведения Пушкина. Кто не считался тогда поэтом, кто не был знаменит? – Теперь едва ли поверят, если сказать, что с небольшим лет за десять имена гг. Олина, Карльгофа, Сомова, Писарева, Аладына, Раича, Погорельского, Яковлева (автора «Удивительного человека»), Илличевского, Ротчева, Глаголева и многих, многих других считались чуть не знаменитостями литературными... Что касается до журналов, – их было больше, потому что их легче было издавать. Страсть печататься доставляла издателям или за самую умеренную цену, или – и это большею частью – совершенно безденежно переводные и оригинальные статьи, которыми они и наполняли тощенькие и маленькие книжки своих журналов. «Телеграф» столько же по величине своих книжек и по внешнему изяществу издания, сколько и по внутреннему достоинству справедливо считался первым и лучшим журналом в России; а между тем каждый том «Телеграфа», заключающий в себе четыре книжки за два месяца, едва ли не в половину меньше был каждой книжки «Отечественных записок», выходящей один раз в месяц. Если разница во внешнем изяществе издания «Телеграфа» не слишком

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru велика с нынешними журналами, то взгляните на картинку мод «Телеграфа» и сравните их с нынешними. Конечно, все это не составляет сущности журнала, но мы и говорим не о сущности, а о трудности, с которою, по причине усилившихся требований со стороны публики, теперь сопряжено издание журнала сравнительно с прежними временами. Что же касается до сущности, то и тут какая огромная разница! Тогда «Телеграф» щеголял повестями Марлинского, которые считались созданиями величайшего гения и приводили в восторг и изумление почти всю читающую публику. Повести г. Полевого почитались тоже такими произведениями, которые могли бы служить украшением любому европейскому журналу, и, верно, многие, подобно нам, не могут теперь вспомнить без улыбки живейшего удовольствия, какой сильный интерес возбудили в публике «Живописец», «Блаженство безумия» и «Эмма»: воспоминания детства так отрадны и сладостны, что мы не без сердечного трепета вспоминаем иногда романы Радклиф, Дюкре-дю-Мениля и Августа Лафонтена и, смеясь над ними, все-таки любим их, как добрых друзей нашего мечтательного детства, как ослепшую от старости собачку, с которою мы играли, когда она была еще щенком!.. И что говорить о повестях г. Полевого; повести г. Погодина многим нравились в свое время; трудно поверить, а это было точно так: «Черная немочь» наделала шуму... И вот оно – то богатство, каким горда была наша литература предшествовавшего периода, который можно, не рискуя ошибиться, назвать «романтическим»!

Добрый и невинный романтизм! как боялись тебя классические парики, каким буйным и неистовым почитали они тебя, сколько зла пророчили они от тебя, – тебя, бывшего в их глазах страшнее чумы, опаснее огня! А ты, добрый и невинный романтизм, ты был просто резвое, шаловливое дитя, проказливый школьник, который сметил, что его «классический» учитель ужасно глуп, да и давай над ним потешаться, сдергивая колпак с его дремлющей лысой головы и нацепля бумажки на задние пуговицы его старомодного кафтана... И что же такое сделал, если рассмотреть хорошенько, ты, так гордившийся и величавшийся своими заслугами? Через г. Летурнера, поправленного, с грехом пополам, г-м Гизо, ты кое-как познакомился с Шекспиром, да и начал, с голосу парижских романтиков, кричать о сердцеведении, о глубине идей, о силе страстей, о верном изображении действительности; а ведь признайся (дело прошлое!): тебе в Шекспире полюбились только побранки мужиков и солдат, разнообразие и множество персонажей да несоблюдение, действительно нелепого, драматического триединства?.. Написал ли ты хоть одну драму вроде шекспировых драм? Перевел ли хоть одну из них так, чтоб можно было видеть, что ты понял Шекспира? Правда, переведены у нас две драмы Шекспира достойным его образом, да не тобою, мой верхоглядый романтизм: ты только изуродовал «Гамлета», да «Виндзорских проказниц», позволив себе переделывать их по своему идеалу... Так или сяк, познакомился ты и с Шиллером; но что понял ты в нем? – Ты понял и то по-своему, по-детски, деву неземную, да любовь идеальную, а вечного глагола разума, а божественной любви к человечеству ты и не предчувствовал в Шиллере; ты и не подозревал в нем провозвестника двух великих слов великого будущего – разума и человечества... И вот ты, с радости, что не понял Шиллера, давай писать благозвучными расиновскими стихами шиллеровскую драму, где донские казаки мечтают «о Шиллере, о славе, о любви»... Также сводил тебя с ума и «Гёц фон Берлихинген» Гёте – и ты пренелепо перевел его романтическим языком русских мужиков... Много ты наслышался и о «Фаусте» Гёте, наболтал о нем с три короба и, наконец (не дрогнула же у тебя рука на такое беззаконное дело!), и его перевел... Частью по французским переводам, частью по дрянным российским переложениям ты познакомился с Вальтером Скоттом, – и тебе, самонадеянному юноше-самоучке, показалось, что ты разгадал тайну таланта великого шотландца и что тебе ничего не стоит самому сделаться таким же «романтиком». – И вот ты начал тайком перелистывать историю Карамзина, браня ее вслух (как «классическое» произведение), и, бывало, возьмешь из нее напрокат какое-нибудь событие да лица два-три, завяжешь им глаза, да ипустишь их играть в жмурки с картонными марионетками собственного твоего изобретения... И сколько, повестей наделал ты из степенной русской истории, заставив чинных русских бояр мстить по-черкесски, клясться не иначе, как смертью и адом, и кричать на каждой странице: га!.. Злодей, ты уцепился за новейшую историю, которую изучил из «Московских ведомостей»; ты не пощадил и Наполеона, не убоился оскорбить его развенчанной тени и смело заставил его играть престранную роль в твоих площадных сказках, сводить и знакомить его с разными романтическими чудаками, незаконными детьми твоей фантазии... На горе себе, как-то познакомился ты с гениальным сумасбродом, с немцем Гофманом, забредил «фантастическим», переболтал его с «идеальным», подбавив в эту амальгаму сентиментальной водицы из памятных тебе по детству романов Августа Лафонтена – и потянувшись у тебя длинную вереницею безобразных повестей и романов, с блаженствующими от сумасшествия, с лунатиками,

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
сомнамбулами, магнетизерами, идеальными кухарками, мещанскими поэтами, мечтателями, прятными аббадоннами, сахарно любовью, мышиним героизмом и тому подобным разным вздором... Но всех более виноват ты перед певцом «Гяура» и «Манфреда»: лишь только слышал ты о нем, как и начал проклинать жизнь, ненавидеть человечество, любоваться адом и вяло воспевать

...Поблекший жизни цвет

Без малого в восемнадцать лет...

Ты провозгласил Байрона певцом отчаяния и эгоизма, блуждающею кометою, озарившею мир кровавым заревом... Добряк! говорю тебе – ты не понял его, этого Байрона, ты не понял ни его идеала, ни его пафоса, ни его гения, ни его кровавых слез, ни его безотрадного и гордого, на самом себе опершегося отчаяния, ни его души, столько же нежной, кроткой и любящей, сколько могучей, непреклонной и великой! Байрон, – это был Прометей нашего века, прикованный к скале, терзаемый коршуном: могучий гений, на свое горе, заглянул вперед, – и не рассмотрев, за мерцающею далью, обетованной земли будущего, он проклял настоящее и объявил ему вражду непримиримую и вечную; нося в груди своей страдания миллионов, он любил человечество, но презирал и ненавидел людей, между которыми, видел себя одиноким и отверженным, с своею гордою борьбою, с своею бессмертною скорбью... Не кометою, блуждающею и безобразною, был он, а новым духом, поборавшим за человечество, в огнепернате шлеме на голове, с пламенным мечом в руке, с эгидою будущей победы, близкого торжества... А ты, добрый и невинный романтизм русский, создал себе, в своем ребячестве, какой-то призрак Байрона, столько же похожий на Байрона, сколько тень, отбрасываемая на солнце человеком, похожа на человека. Да и где, из чего было тебе создать истинный идеал Байрона? – где взял бы ты глубокого сочувствия ко всему человеческому, глухих рыданий, никому не видных, но тем более сокрушительных, – ты, добрый юноша, с глазами унылыми, но от модной тоски, с щеками несколько бледными, но от ночных пиров и диких хоров московских египтянок, в просторечии называемых цыганками, – с характером раздражительным и несколько нелюдимым, но от расстроенного пищеварения вследствие нерасчитанного усердия к Вакху и Кому – с душою праздною и скучною, но от излишней любви к «сладостной лени»?.. Не только ты, добрый и невинный романтизм, не только ты не понял нового воителя: его не понял и тот великий русский поэт, которого так несправедливо называл ты своим отцом и которого еще несправедливее называл ты то северным, то русским Байроном...{4}

Итак, где же твои заслуги, о наш безвременно скончавшийся романтизм? Уж не разгульные ли песни, писанные бойким четырехстопным ямбом, «торопливым скороходом», в которых все так исполнено невинности и романтизма – и похмелье, и звон разбиваемого стекла, и разгульный венок, и пламенных восторгов кипятилок?...{5} Уж не подражание ли древним, в которых греческого – одни гекзаметры, да и то русские, одни длинные составные эпитеты, клонящие ко сну? Уж не...

Но довольно. Всех проказ нашего романтизма не перескажешь. Как все эпохи переходные, когда старое безусловно отрицается во имя нового, которое не понято, – романтизм наш был пуст и бесплоден; от этого из него и не вышло ничего, кроме великолепного вздора программ и подписок на ненаписанные и неоконченные сочинения... И не у нас одних романтизм был так бесплоден, но и у французов, у которых он также был переходным моментом и не чем-нибудь положительным, а только реакциею псевдоклассицизму. В самом деле, что прочного, великого, векового и бессмертного произвели эти мнимогениальные представители юной Франции? Люди они были, действительно, с блестящими дарованиями; в их произведениях много блесков ума, живости, увлечения: но эти легкие и скороспелые произведения были литературные подснежники, пророчившие весну, а не пышные, благоуханные розы роскошного мая. Минута родила их – с минутой и исчезли они, и кто теперь взглянет на эти увядшие, высохшие и выдохшиеся цветы, кто питается ими, кроме тех, кому сама природа назначила в пищу сено?... Что такое теперь колоссальный гений – Виктор Гюго? – человек, у которого когда-то был блестящий талант, человек, который написал несколько прекрасных лирических стихотворений, вместе с множеством посредственных и плохих, и которого лирическая поэзия, взятая как нечто целое, как отдельный мир творчества, чужда всякого характера, всякого значения, всякого общего пафоса. Что такое его препрославленная «Notre Dame de Paris»?[1] Тяжелый плод напряженной фантазии, tour de force[2] блестящего дарования, которое раздувалось и пыжилось до гения, пестрая и лишенная всякого единства картина ложных положений, ложных страстей и ложных чувств, океан изящной риторики, диких мыслей, натянутых фраз, словом, всего, что способно приводить в бешеный восторг только пылких мальчиков... Что такое его драмы? –

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru жалкие усилия беспокойного самолюбия, уродливые клеветы на природу человека... А этот скромный Дюма, этот полунегр, полуфранцуз, который так горд бешенством и свирепостью своих ощущений, который, по собственному признанию, брал у Шекспира свое, как скоро находил его, и который с добродушною наглостью и невинным бесстыдством говорит о самом себе, как о великом гении; этот Жанен, автор сатанинских романов и паяснических фельетонов; этот господин де-Бальзак, Гомер Сен-Жерменского предместья, знакомого ему только с улицы; {6} этот чопорный де-Виньи, с его вечным идеалом страждущего поэта, с его вечною враждою к успехам времени и постоянною верностью веку маркизов и аббатов; этот мрачный Эжен Сю; этот неистовый Жакоб Библиофильс {7} с шутовскою макабрскою пляскою его фантазии, прикованной к мусору исторических древностей; этот сладко-мечтательный Ламартин... что такое теперь все они? Они так шумели, так силились выдать себя за титанов, осаждающих Зевеса на его неприступном Олимпе! Все думали, что они поворотят землю на ее оси; а вышло, что они – просто маленькие-великие люди, добрые ребята, которые очень довольны жизнью, когда у них есть деньги, и которые, еще до гроба, пережили и свою славу, и свои творения, и, не дожив до старости, дожили до равнодушия и презрения той толпы, которая некогда видела в них своих идолов... А кто пережил свои творения и свою славу, тот не великий писатель: велико только то, что переходит в потомство... Величественный дуб растет медленно, но живет долго; осина быстро бежит в высоту, но не бывает огромным деревом, и не веками, а годами измеряется ее краткое существование. В то время как французские романтики, эти маленькие-великие люди, уже пользовались всемирною известностью, на суд современного общества предстала женщина, с великим, истинным дарованием: ее не поняли и за это оклеветали. Но она шла своим путем, и ряд созданий одно другого глубже ознаменовал ее победоносное шествие, – и ее слава началась только с того времени, как слава маленьких-великих людей уже кончилась. {8} Причина этой разности очевидна: там начало внешнее, снеговое; тут – подземное, родниковое, внутреннее... Так называемый романтизм хлопотал из форм, не понимая сущности дела, – и для формы он действительно много сделал: он развязал руки таланту, спеленатому ложными правилами предания. И наш романтизм принес такую же пользу нашей литературе: он расчистил ее арену, заваленную сором и дрязгом псевдоклассических предрассудков; он далеко разметал их деревянные барьеры, уничтожил их австралийские табу и тем предуготовил возможность самобытной литературы. Теперь едва ли поверят тому, что стихи Пушкина классическим колпакам казались вычурными, бессмысленными, искажающими русский язык, нарушающими заветные правила грамматики; а это было действительно так, и между тем колпакам верили многие; но когда расходились на просторе «романтики», то все догадались, что стих Пушкина благороден, изящно прост, национально верен духу языка. Очевидно, что в этом случае романтики играли роль шакалов, наводящих льва на его добычу. Равным образом теперь едва ли поверят, если мы скажем, что создания Пушкина считались некогда дикими, уродливыми, безвкусными, неистовыми; но произведения романтиков скоро показали всем, как создания Пушкина чужды всего дикого, неистового, каким глубоким и тонким эстетическим вкусом запечатлены они. Очевидно, что в этом случае самое злоупотребление романтической свободы послужило к утверждению истинной свободы творчества. Кто воспитан на Корнеле и Расине, тому помешает понять Шекспира одна уже новость формы его драм; кто привык к формам, нередко диким, чудовищным и нелепым «романтиков», кто восхищался смолоду драмами Гюго, Дюма, Вернера, Грильпарцера и т. п., тому легко будет понять Шекспира: ибо того уже никакая форма не поразит изумлением, отнимающим способность вникнуть в сущность поэтического создания.

И что бы, вы думали, убило наш добрый и невинный романтизм, что заставило этого юношу скоропостижно скончаться во цвете лет? – Проза! Да, проза, проза и проза. Общество, которое только и читает, что стихи, для которого каждое стихотворение есть важный факт, великое событие, – такое общество еще молодо до ребячества; оно еще только забавляется, а не мыслит. Переход к прозе для него – большой шаг вперед. Мы под «стихами» разумеем здесь не одни размеренные и заостренные рифмою строчки: стихи бывают и в прозе, так же как и проза бывает в стихах. Так, например, «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» Пушкина – настоящие стихи; «Онегин», «Цыганы», «Полтава», «Борис Годунов» – уже переход к прозе; а такие поэмы, как «Сальери и Моцарт», «Скупой рыцарь», «Русалка», «Галуб», «Каменный гость», – уже чистая, беспримесная проза, где уже совсем нет стихов, хоть эти поэмы писаны и стихами. Напротив, повести и романы Г. Полевого: «Симеон Кирдяпа», «Живописец», «Блаженство безумия», «Эмма», «Дурочка», «Аббадонна» и пр. – чистейшие стихи, без всякой примеси прозы, хоть писаны и прозою и хотя в них нет ни одного стиха, разве только в эпиграфах... Мы, право, не шутим, и вы сами согласитесь, если не захотите прозу принимать как что-то противоположное стихам, а стихи – как что-то противоположное прозе. Стихи

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru и проза – тут вся разница только в форме, а не в сущности, которую составляют не стихи и не проза, а поэзия. Вот другое дело, если прозу противопоставить поэзии, а поэзию – прозе; но мы здесь имеем в виду и не эту противоположность: мы под «прозой» разумеем богатство внутреннего поэтического содержания, мужественную зрелость и крепость мысли, сосредоточенную в самой себе силу чувства, верный такт действительности; а под «стихами» разумеем неземную деву, идеальную любовь, детское порывание к высокому и прекрасному, в которых нет никакого содержания, прекрасные, но чуждые мысли чувства, глубокие, но лишённые чувства и богатые словами мысли и т. п. Но как же в таком: случае первые поэмы Пушкина попали в одну категорию с повестями и романами г-на Полевого? О, сохрани бог! Стихи в стихах могут иметь свои достоинства, как то: богатство фантазии, жар чувства, художественность формы и т. п.; но стихи в прозе, по крайней мере теперь, решительно никуда не годятся: они походят то на младенца в английской болезни, то на старца с нарумяненными щеками, то на юношу доброго, чувствительного, живого, пламенного, мечтательного, но тем не менее пустого, – нечто вроде того, что называется «ни рыба ни мясо»...

Но наша мысль может показаться многим не совсем ясною, и потому прибавим еще несколько слов. Всякая идея проявляется в двух крайностях и середине. Поэтому есть люди, которые как будто совершенно лишены души и сердца, в которых нет никакого порыва к миру идеальному – это крайность; другие, напротив, как будто состоят только из души и сердца и как будто рождаются гражданами идеального мира, – это другая крайность; между ими занимают место люди ни то, ни се, люди-недоноски, люди, которые понемножку понимают все истинное, никогда не проникая в глубь его, люди, у которых есть чувство, но похожее на нервическую раздражительность, есть ум, но похожий на мечтательность, есть порывы к высшему миру, но у которых этот «высший мир» вне действительности, что-то вроде мечты, выражаемой словами: куда-то, где-то, там и т. п. – это середина. Несносны люди первого разряда; эти последние еще несноснее. У них всё слова, столько же громкие и отборные, сколько и неопределенные, но дела никогда не бывает; они исключительно преданы чувству, от ума их веет холодом, от действительности – разочарованием; мечта составляет блаженство их жизни; мысли они не любят и не понимают. Подобные люди бывают такими или по натуре (и это самые несносные существа в мире), или вследствие неразвитости, ложного развития и т. п. Те и другие вечно исполнены глубоких чувств и мыслей, для выражения которых, по их словам, беден язык человеческий. Но это клевета на язык человеческий: что прочувствует и поймет человек, то он выразит; слов недостает у людей только тогда, когда они выражают то, чего сами не понимают хорошоенько. Человек ясно выражается, когда им владеет мысль, но еще яснее, когда он владеет мыслию. Если, например, какой-нибудь критик, длинно и широко разглагольствуя о Державине, наполнит свою статью одними возгласами о величии этого поэта, не определив ни содержания, ни характера его поэзии, а произведения его будет уподоблять алмазам, рубинам, сапфирам, изумрудам и другим предметам ископаемого царства (вместо того, чтоб раскрыть содержание этих произведений и показать отношение содержания к форме), и потом все это сдобрит фразами: северный бард, потомок Багрима и т. п., {9} так что читатель, прочтя длинную критику, не в состоянии будет передать из нее другому ни одной мысли: это значит, что наш критик ровно ничего не понял в Державине или свои ощущения, возбужденные в нем поэзией Державина, принял за мысли, да и давай жаловаться на бедность языка человеческого... Есть и поэты, похожие на таких критиков: вот у них-то и в прозе выходят все стихи, хотя без меры и без рифм... Говорят они – любо слушать; замолчат – никак не сообразишь, что они хотели сказать, и поневоле принимаешь их прозу за стихи...

Теперь самое неблагоприятное время для таких поэтов, ибо теперь никто не признает великим полководцем того, кто не одержал ни одной победы, ни великим писателем того, кто, за бедностию человеческого языка, не сказал того, что силился сказать. Такие люди теперь напоминают собою знаменитого Ивана Александровича Хлестакова, который сказал о себе, в письме к другу своему Тряпичкину, что «он хотел бы заняться чем-нибудь высоким, но светская чернь не понимает его!..» Другими словами, такие люди – настоящие «романтики», хотя бы они и выдавали себя за людей с высшими взглядами...

Итак, романтизм наш убит прозой. С 1829 года все писатели наши бросились в прозу. Сам Пушкин обратился к ней. {10} Альманахи, как игрушки, всем надоели и вышли из моды. Цена на стихи вдруг упала. Вскоре явился новый поэт, сильное влияние которого на литературу не замедлило обнаружиться. {11} Вследствие этого влияния ужасно понизилась цена на русские исторические и особенно

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru нравственно-сатирические романы, прежние повести, особенно идеальные – те, которых проза так похожа на стихи, совсем вышли из моды; против Марлинского началась сильная оппозиция; все романисты и нувеллисты пустились в юмор, начали брать содержание для своих повестей из действительной жизни, рисовать чудаков и оригиналов; герои добродетели были отпущены на отдых. 1835 и 1836 года были эпохой для русской литературы: в первом вышли в свет «Миргород» и «Арабески», во втором появился и в печати и на сцене «Ревизор»... В то же время напечатались стихотворения Г. Бенедиктова, наделавшие столько шуму в Петербурге и возбудившие такой восторг в одном московском критике, что он поставил Г. Бенедиктова выше Жуковского и Пушкина...{12} Стихотворения Г. Бенедиктова были важным фактом в истории русской литературы: они довершили вопрос о стихах, и с того времени стихи (в том смысле, в каком мы принимаем это слово) совершенно окончили на Руси свое земное поприще... Являлись и другие, находили себе даже поклонников, но на минуту – от них скоро отступали самые друзья их: то были последние вспышки угасающей лампы... По смерти Пушкина начали печататься в «Современнике» оставшиеся после него в рукописи последние произведения его; но то была уже чистая проза в стихах и ужасный удар стихам.

Явился Лермонтов с стихами и прозой – и в его стихах и прозе была чистая проза! Прощайте, стихи! Будет ребячиться нашей литературе, довольно пошалаила – пора и делом заняться...

И действительно, последний период русской литературы, период прозаический, резко отличается от романтического какою-то мужественною зрелостью. Если хотите, он не богат числом произведений, но зато все, что явилось в нем посредственного и обыкновенного, все это или не пользовалось никаким успехом, или имело только успех мгновенный; а все то немногое, что выходило из ряда обыкновенного, ознаменовано печатью зрелой и мужественной силы, осталось навсегда и в своем торжественном, победоносном ходе, постепенно приобретая влияние, прорезывало на почве литературы и общества глубокие следы. Сближение с жизнью, с действительностью, есть прямая причина мужественной зрелости последнего периода нашей литературы. Слово «идеал» только теперь получило свое истинное значение. Прежде под этим словом разумели что-то вроде не любо не слушай, лгать не мешай – какое-то соединение в одном предмете всевозможных добродетелей или всевозможных пороков. Если герой романа, так уж и собой-то красавец, и на гитаре играет чудесно, и поет отлично, и стихи сочиняет, и дерется на всяком оружии, и силу имеет необыкновенную:

Когда ж о честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем –
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, а мы все рыдаем!{13}

Если же злодей, то и не подходите близко: съест, непременно съест вас живого, изверг такой, какого не увидишь и на сцене Александрийского театра, в драмах наших доморощенных трагиков... Теперь под «идеалом» понимают не преувеличение, не ложь, не ребяческую фантазию, а факт действительности, такой, как она есть; но факт, не списанный с действительности, а проведенный через фантазию поэта, озаренный светом общего (а не исключительного, частного и случайного) значения, возведенный в перл создания, и потому более похожий на самого себя, более верный самому себе, нежели самая рабская копия с действительности верна своему оригиналу. Так, на портрете, сделанном великим живописцем, человек более похож на самого себя, чем даже на свое отражение в дагерротипе, ибо великий живописец резкими чертами вывел наружу все, что таится внутри такого человека и что, может быть, составляет тайну для самого этого человека. Теперь действительность относится к искусству и литературе, как почва к растениям, которые она возвращает на своем лоне.

Все сказанное нами для людей мыслящих не может показаться отступлением от предмета статьи, потому что все это не отступление, а характеристика и история последнего периода русской литературы, в отношении к которому 1842 год был блистательнейшим пополнением. Мы уже выше сказали, что обозреть не значит пересчитывать по пальцам все, что вышло в продолжение известного времени, но указать на замечательные произведения и определить их значение и цену, – а этого мы не могли сделать, не определив предварительно характера и значения всей литературы последнего времени. При обозрении поименном не на многое придется нам указывать и не о многом говорить. Причина этого – немногочисленность замечательных явлений в литературе прошлого года, также принадлежащая к особенным чертам всей русской литературы последнего ее периода. Но эта бедность

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru не должна нас печаливать: это благородная бедность, которая лучше многого богатства прежнего времени. Появление в одном году «Миргорода» и «Арабесок», в другом – «Ревизора» стоит огромного количества даже хороших, но обыкновенных произведений за многие годы. Таким образом 1840 год был ознаменован выходом «Героя нашего времени» и первого собрания стихотворений Лермонтова; 1841 – изданием трех томов посмертных сочинений Пушкина; 1842 – выходом «Мертвых душ» – одного из тех капитальных произведений, которые составляют эпохи в литературе.

Много было писано во всех журналах о «Мертвых душах»; много говорили и мы о них. Повторять сказанное и нами и другими нет никакой надобности. Впрочем, из этого еще нисколько не следует, чтоб о «Мертвых душах» было сказано все, как нами, так и другими: мы, собственно, и не говорили еще о них, а только спорили с другими по поводу их, и нам еще предстоит впереди изложение окончательного, критически высказанного мнения об этом произведении; что касается до других, они не перестали и долго еще не перестанут говорить о «Мертвых душах», всеми силами стараясь уверить себя, что им нечего бояться этого произведения... Итак, скажем здесь лишь несколько слов для уяснения – не произведения Гоголя, а вопроса, возникшего о нем и в публике и в литературе.

Как мнение публики, так и мнение журналов о «Мертвых душах» разделились на три стороны: одни видят в этом творении произведение, которого хуже еще не писывалось ни на одном языке человеческом; {14} другие, наоборот, думают, что только Гомер да Шекспир являются в своих произведениях столь великими, каким явился Гоголь в «Мертвых душах»; {15} третьи думают, что это произведение действительно великое явление в русской литературе, хотя и не идущее, по своему содержанию, ни в какое сравнение с вековыми всемирно-историческими творениями древних и новых литератур Западной Европы. {16} Кто эти – одни, другие и третьи, публика знает, и потому мы не имеем нужды никого называть по имени. Все три мнения равно заслуживают большого внимания и равно должны подвергаться рассмотрению, ибо каждое из них явилось не случайно, а по необходимым причинам. Как в числе испуганных хвалителей «Мертвых душ» есть люди, и не подозревающие в простоте своего детского энтузиазма истинного значения, следовательно, и истинного величия этого произведения, так и в числе ожесточенных хулителей «Мертвых душ» есть люди, которые очень и очень хорошо смекают всю огромность поэтического достоинства этого творения. Но отсюда-то и выходит их ожесточение. Некоторые сами когда-то тянулись в храм поэтического бессмертия; за новость и детством нашей литературы они имели свою долю успеха, даже могли радоваться и хвалиться, что имеют поклонников, – и вдруг является неожиданно, непредвиденно совершенно новая сфера творчества, особенный характер искусства, вследствие чего идеальные и чувствительные произведения наших поэтов вдруг оказываются ребяческой болтовнёю, детскими невинными фантазиями... Согласитесь, что такое падение, без натиска критики, без недоброжелательства журналов, очень и очень горько?... Другие подвизались на сатирическом поприще, если не с славою, то не без выгод иного рода; сатиру они считали своей монополией, смех – исключительно им принадлежащим орудием, {17} – и вдруг остроты их не смешны, картины ни на что не похожи, у их сатиры как будто выпадали зубы, охрип голос, их уже не читают, на них не сердятся, они уже стали употребляться вместо какого-то аршина для измерения бездарности... Что тут делать? перечинить перья, начать писать на новый лад? но ведь для этого нужен талант, а его не купишь, как пучок перьев... Как хотите, а осталось одно: не признавать талантом виновника этого крутого поворота в ходе литературы и во вкусе публики, уверять публику, что все написанное им вздор, нелепость, пошлость... Но это не помогает: время уже решило страшный вопрос – новый талант торжествует, молча, не отвечая на брани, не благодаря за хвалы, даже как будто вовсе отстраняясь от литературной сферы; надо переменить тактику: является новое творение таланта, далеко оставившее за собою все прежние его произведения, – давай жалеть о погибшем таланте, который так много обещал, так хорошо писал некогда (именно тогда, когда эти господа утверждали, что он писал все вздоры и нелепости); его, видите, захвалили приятели, а их у него так много, что иных он и в лицо не знает, с иными же едва знаком... На что бы такое напасть в новом творении таланта? – на сальности, на дурной тон; это понравится тем людям, которые, никогда во сне не видав большого света, только о нем и хлопчут, как будто бы считая себя принадлежащими к нему... {18} Не мешает заметить, что эти витязи большого света чрезвычайно довольны были тоном и остротами врагов нового таланта: живя в неизмеримой дали от большого света, они считали этих сатирических сочинителей людьми большого света... Второй пункт – грамматика: к ней прибегли при этом важном случае даже те, которые отвергали ее существование... Третий пункт – незнание русского языка; за этот аргумент ухватились даже те, которые пишут: морь (вместо морей), мозгов человеческих, мечт и т. п. Нападки за

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru незнание грамматики и искажение языка – характеристическая черта истории русской литературы: славянофилы^{19} утверждали, что Карамзин не знал духа и правил русского языка и ужасно искажал его в своих сочинениях; классики в том же самом обвиняли Пушкина; теперь очередь за Гоголем... Вспомнили мы еще довольно забавную черту в этом роде: гг. Греч и Булгарин доказывали некогда печатно, что г. Полевой не знает грамматики, а г. Калайдович напечатал в «Московском вестнике» статью об «Истории русского народа» в отношении к грамматике и языку, и на каждой странице этого превосходного, но, к сожалению, по сю пору неконченного творения нашел по крайней мере по десяти грубых ошибок против грамматики и языка... Господа! не пора ли бросить эту старую замашку!.. У каждого писателя нет ошибок против грамматики – да только чьей? – вот вопрос! Карамзин сам был – грамматика, перед которой все ваши грамматики ничего не значат; Пушкин тоже стоит любой из ваших грамматик...

Творение, которое возбудило столько толков и споров, разделило на котерии и литераторов и публику, приобрело себе и жарких поклонников, и ожесточенных врагов, на долгое время сделалось предметом суждений и споров общества; творение, которое прочтено и перечтено не только теми людьми, которые читают всякую новую книгу или всякое новое произведение, сколько-нибудь возбуждавшее общее внимание, но и такими лицами, у которых нет ни времени, ни охоты читать стишки и сказочки, где несчастные любовники соединяются законными узами брака по претерпении разных бедствий, и в довольстве, почете и счастии проводят остальное время жизни; творение, которое, в числе почти 3 000 экземпляров, все разошлось в какие-нибудь полгода: – такое творение не может не быть неизмеримо выше всего, что в состоянии представить современная литература, не может не произвести важного влияния на литературу.

Полное собрание стихотворений покойного Лермонтова вышло в последней половине декабря прошлого года и должно быть причислено к литературным явлениям нового года.

Сборниками стихотворений прошлый год очень небогат. Самым лучшим и приятнейшим явлением в этом роде, без всякого сомнения, была книжка «Стихотворений Аполлона Майкова». Этот молодой поэт одарен от природы живым сочувствием к эллинской музе; он овладел всею полнотою, всею свежестию и роскошью антологического созерцания, пластическою художественностию антологического стиха, – так что антологические стихотворения г. Майкова не только не уступают в достоинстве антологическим стихотворениям Пушкина, но еще едва ли и не превосходят их. Это большое приобретение для русской поэзии, важный факт в истории его развития. Но жаль было бы, если б только на этом остановился г. Майков. Антологические стихотворения, как бы ни были хороши, – не более как пробный камень артистического элемента в поэте. Их можно сравнить с ножкою Психеи, рукою Венеры, головою Фавна, превосходно высеченными из мрамора. Конечно, превосходно сделанная ножка, ручка, грудь или головка, каждая из этих деталей может служить доказательством необыкновенных скульптурных дарований, чувства пластики, изучения древнего искусства; но еще не составляет скульптуры, как искусства, и превосходно сделать ножку, ручку, грудь или головку далеко не то, что создать целую статую. Сверх того исключительная преданность древнему миру (и притом далеко не вполне понятому), без всякого живого, кровного сочувствия к современному миру, не может сделать великим или особенно замечательным поэта нашего времени. К этому еще должно присовокупить, что одно да одно, теряя прелесть новости, теряет и свою цену. Итак, мы желали бы, чтобы г. Майков или предался основательному и обширному изучению древности и передавал на русский язык, своим дивным стихом, вечные, неумирающие создания эллинского искусства, или обрел в тайнике духа своего те сердечные, задушевные вдохновения, на которые радостно и приветливо отзывается поэту современность. Покоряясь требованиям справедливости, мы не можем не повторить здесь уже сказанного нами в статье о стихотворениях г. Майкова, что почти все его неантологические стихотворения пока еще не обещают в будущем ничего особенного. Нам было бы очень приятно ошибиться в этом приговоре, – и мы первые вспомнили бы с радостью о своей ошибке, если б г. Майков подарил русскую публику такими стихотворениями, которые обнаружили бы в нем столь же примечательного и столь же многообещающего в будущем современного поэта, сколько и антологического. Антологическая муза г. Майкова не ослабела ни в силе, ни в деятельности, и после выхода книжки его стихотворений публика прочла в «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения» несколько прелестнейших его стихотворений в любимом его антологическом роде, но они уже не возбудили в ней прежнего восторга. А между тем, повторяем, они так же прекрасны, как и прежние, в доказательство чего достаточно привести из них следующие –

Вот безжизненный отрубок
Серебра: стопи его
И вместительный мне кубок
Слей искусно из него.
Ни кипридиных голубок,
Ни медведиц, ни пляд
Не лепи по стенкам длинным:
Нарисуй в саду пустынном,
Между роз, толпы менад,
Выжимающих созрелый,
Налитой и пожелтелый
С пышной ветки виноград;
Вкруг сидят умно и чинно
Дети перед бочкой винной;
Фавны с хмелем на челе,
Вакх под тигровою кожей,
И Силен румянорожий
На споткнувшемся осле.

Зато вот еще одно из последних стихотворений г. Майкова, доказывающих, что чуть только выйдет он из сферы антологического созерцания, как из его стихотворения тотчас же ничего не выйдет:

Море бурно, небо в тучах.

Он примчался на коне
Прямо к брызгам вод кипучих.
«Старый! чолн скорее мне!» –
И старик затылок чешет...
– Плохо будет, господин!
Полно, барин (?!), беса тешить (??!..)
Наших, в море не один (?).
«Пусть их гибнут! Под водою
Рыбе рыбы и гроба! –
Знай, я Цезарь: а со мною,
Мне послушна и судьба!»
Странная фантазия – свести Цезаря с русским мужиком и заставить его объясняться до такой степени посредственными стихами...

«Сумерки», маленькая книжка г. Баратынского, заключающая в себе едва ли не последние стихотворения этого поэта, тоже принадлежит к немногим примечательнейшим явлениям по части поэзии в прошлом году. По поводу ее мы в последней книжке «Отечественных записок» обозрели всю поэтическую деятельность г. Баратынского. {20} Теперь же прибавим только, что едва ли это и действительно не последние стихотворения знаменитого поэта; вот пьеса из «Сумерок», доказывающая это:

На что вы, дни? юдольный мир явленья
Свои не изменит!
Все ведомы и только повторенья
Грядущее сулит.
Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Бессмертная душа!
И тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под вейньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно
Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменяя;
Как в мрак холодный вечер канет,
Венец пустого дня!
Страшно чувство, которым внушено это выстраданное стихотворение! не обещает оно новых и живых вдохновений; и лучше совсем не писать поэту, чем писать такие, например, стихотворения:

Сначала мысль воплощена

В поэму сжатую поэта,
Как дева юная темна
Для невнимательного света,
Потом осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена,
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, затем
Она, подъявля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.
Что это такое? неужели стихи, поэзия, мысль?..

Вышедшая в прошлом же году маленькая книжечка стихотворений Полежаева под названием «Часы выздоровления», подала нам повод, в отдельной критической статье, обозреть всю поэтическую деятельность этого замечательного поэта.{21}

Первая часть стихотворений г. Бенедиктова, изданная в 1835 году, достигла второго издания в прошлом 1842 году. Наше мнение об этом поэте известно публике.{22}

Чтоб не возвращаться более к стихам, скажем теперь же и о тех, которыми наполнялись журналы наши в продолжение прошлого года. В «Отечественных записках» с начала года и до отпечатания вышедшего теперь полного собрания стихотворений Лермонтова были помещены (кроме следующих пьес, не принадлежащих к лучшим произведениям Лермонтова: «Сосна», «Ты помнишь ли», «Умиравший гладиатор», «Два великана», «В альбом автору «Курдюковой», «М. П. Соломирской») драгоценнейшие перлы созданий этого поэта: «На светские цепи», «Соседка», «Договор», отрывки из поэмы «Демон», поэма «Боярин Орша» и лучшее, самое зрелое из всех его произведений – «Сказка для детей». В первых двух книжках «Отечественных записок» были напечатаны два стихотворения покойного Кольцова. – в этой книжке печатаются некоторые из последних его стихотворений... Стихотворениями г. Огарева постоянно украшались исключительно «Отечественные записки». Стихотворения г. Майкова являлись и в «Отечественных записках» и в «Библиотеке для чтения». Стихотворения г. Фета печатались и в «Отечественных записках» и в «Москвитянине». К замечательнейшим стихотворным пьесам прошлого года принадлежит напечатанное в 7 № «Отечественных записок» стихотворение г. Л. П. «Петр Великий».{23}

Вообще прошлый год был не богат стихами, а будущий – это можно сказать смело, будет еще беднее... Лермонтова уже нет, а другого Лермонтова не предвидится... хоть совсем не пиши стихов... И их, в самом деле, пишут или по крайней мере печатают теперь меньше. Столичные поэты сделались как-то умереннее – оттого ли, что одни уже выписались, а другие догадались, что стихи должны быть слишком и слишком хороши, чтоб их стали теперь читать, не только хвалить... Зато господа провинциальные поэты год от году становятся неутомимее. Публика ничего не знает о их пламенном усердии к делу истребления писчей бумаги; но журналисты – увы! – слишком знают этой дорого платят за это знание – платят деньгами за доставление к ним на дом этих страшных пакетов, платят временем, скукою и досадою, прочитывая эти груды рифмованного вздору...

Теперь обратимся к прозе по части изящной словесности. Г. Загоскин каждый год дарит публику новым романом; не знаем, каким новым романом обрадует он ее в 1843 году, а в 1842 году он утешил ее «Кузьмою Петровичем Мирошевым».{24} Собственно, это не роман, а повесть, до того местами растянутая, что из нее вытянулся роман в четырех частях, то есть в четырех маленьких книжках, красиво и разгонисто напечатанных. В «Мирошеве» те же достоинства и те же недостатки, какими отличались все прежние романы г. Загоскина: то есть, с одной стороны, истинно русское радушие и хлебосољство, с каким почтенный автор угощает читателя изделиями своей фантазии, добродушное восхищение созданными им характерами слуг, дядек и мамок, добродушная уверенность, что добродетельные люди в его романе – точно добродетельны, а злодеи – не шутя злодеи; местами веселенькие сцены в забавном роде, везде искреннее увлечение в пользу старины и ее немножко диких для нынешнего времени понятий, гладкий, пловучий слог; с другой стороны, бедность содержания, отсутствие идеи, повторение того, что читатель знает уже по прежним романам автора. – «Альф и Альдона» г. Кукольника обнаружили было большие претензии на титло исторически-поэтического романа; но историческая часть в этом романе похожа на сказочную, а поэтическая – на самую скучную и вялую прозу. Одна

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru из четырех частей «Альфа и Альдоны» больше всех четырех частей «Мирошева»; но «Мирошев» был прочитан до конца всеми, кто только решался его читать, а «Альф и Альдона» испугал читателя на половине же первой части и остался недочитанным. Но неутомимый Г. Кукольник этим не удовольствовался и тиснул в «Библиотеке для чтения» новый роман свой «Дурочка Луиза». Этот роман – близнец «Эвелины де Вальероль»: там пружиной всех действий служит цыган Гойко, здесь жид Бенке, там множество лиц, так похожих одно на другое, что и отличить нельзя, и здесь то же; разница в том, что там скучно, а здесь скучнее, там еще на что-нибудь похоже, а здесь ни на что не похоже. Героиня романа – дурочка Луиза – еще довольно похожа на дурочку, умною ее действительно никто не назовет; но курфирст Фридрих-Вильгельм изображен каким-то сентиментальным поверенным в любовных тайнах своих приближенных, всеобщим сватом и отцом посаженным, и только мимоходом силится автор выказать его героем и великим государем. Вообще, сентиментальность, приторная, сладенькая, составляет главный характер этой бессвязной, пустой по содержанию, натянутой в изображении характеров сказки. Теперь того только и ждем, что «Дурочка Луиза» появится отдельную книжкою в двух частях; но мы рады, что заблаговременно отделались от нее. – Какими романами еще ознаменовался 1842 год? – «Два призрака», «Сердце женщины», «Человек с высшим взглядом», «Любовь музыканта», вновь изданные романы Г. Калашникова: «Дочь купца Жолобова» и «Камчадалка», «Московская сказка о Чуде Поганом», «Козел-Бунтовщик», «Грошевый мертвец», «Гуак, рыцарская повесть» и пр., и пр. {25} Все это едва ли принадлежит к какой-нибудь литературе и еще менее к той, которой характер определяли мы в начале статьи... Что делать? У каждого дома бывает два двора, передний и задний; у каждой литературы две стороны – лицевая и изнанка...

На повести 1842 год был счастливее, чем на романы. В «Москвитяине» было напечатано начало новой повести Гоголя «Рим», – равно изумляющее и своими достоинствами и своими недостатками. В «Современнике» была помещена уже известная, но переделанная вновь повесть Гоголя «Портрет», отличающаяся некоторыми превосходно концепированными и отделанными подробностями, и неудачная в целом. Граф Соллогуб напечатал в прошлом году только одну повесть «Медведь», которая заставляет искренно сожалеть, что ее даровитый автор так мало пишет. «Медведь» не есть что-нибудь необыкновенное и, может быть, далеко уступит в достоинстве «Аптекарьше», повести того же автора; но в «Медведе» образованное и умное эстетическое чувство не может не признать тех характеристических черт, которыми мы, в начале этой статьи, определили последний период русской литературы. Отличительный характер повестей графа Соллогуба состоит в чувстве достоверности, которое охватывает всего читателя, к какому бы кругу общества ни принадлежал он, если только у него есть хоть немного ума и эстетического чувства: читая повесть графа Соллогуба, каждый глубоко чувствует, что изображаемые в ней характеры и события возможны и действительны, что они – верная картина действительности, как она есть, а не мечты о жизни, как она не бывает и быть не может. Граф Соллогуб часто касается в своих повестях большого света, но хоть он и сам принадлежит к этому свету, однако повести его тем не менее – не хвалебные гимны, не апофеозы, а беспристрастно верные изображения и картины большого света. Здесь кстати заметить, что страсть к большому свету – что-то вроде болезни в русском обществе: все наши сочинители так и рвутся изображать в своих романах и повестях большой свет. И, надо сказать, их усилия не остаются тщетными: в повестях графа Соллогуба только немногие узнают большой свет, а большая часть публики видит его в романах и повестях именно тех сочинителей, для которых большой свет истинная terra incognita, [3] истинная Атлантида до открытия Америки Колумбом и которые рисуют большой свет по своему идеалу, добродушно веруя в сходство аляповатого списка с невиданным оригиналом. Так, недавно в одном журнале роман «Два призрака» торжественно объявлен произведением человека, принадлежащего к большому свету и знающего его. Все толкуют о светскости, – и пьеса Гоголя падает на Александрийском театре, а «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами» и «Русская боярыня XVII столетия» {26} возбуждают фурор в записных посетителях того же театра, – и все по причине «светскости»... А между тем дело кажется так очевидным: стоило бы только сравнить, например, повести графа Соллогуба с романами и повестями наших «светских» сочинителей, чтоб окончательно решить вопрос о деле, к которому так многие и так напрасно считают себя прикосновенными...

Простота и верное чувство действительности составляют неотъемлемую принадлежность повестей графа Соллогуба. В этом отношении теперь, после Гоголя, он первый писатель в современной русской литературе. Слабая же сторона его произведений заключается в отсутствии личного (извините – субъективного) элемента, который бы все проникал и оттенял собою, чтоб верные изображения

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru действительности, кроме своей верности, имели еще и достоинство идеального содержания. Граф Соллогуб, напротив, ограничивается одною верностию действительности, оставаясь равнодушным к своим изображениям, каковы бы они ни были, и как будто находя, что такими они и должны быть. Это много вредит успеху его произведений, лишая их сердечности и задушевности, как признаков горячих убеждений, глубоких верований.

Более субъективности, но менее такта действительности, менее зрелости и крепости таланта, чем в повестях графа Соллогуба, видно в повестях г. Панаева. Вообще г. Панаев гораздо более обещает в будущем, нежели сколько исполняет в настоящем. Что-то нерешительное, колеблющееся и неустановившееся заметно и в его созерцании, как идеальной стороне его повестей, и в их практическом выполнении; каждая новая повесть его далеко оставляет за собою все прежние: очевидное доказательство таланта замечательного, но еще не определенвшегося. В прошлом году он напечатал только одну повесть «Актеон» в «Отечественных записках», которая возбудила живейшее внимание и интерес со стороны публики и далеко оставила за собою все прежние его повести, так же как и «Барыня», написанная им незадолго перед «Актеоном», далеко оставила за собою все другие, прежде ее написанные. Вероятно, чувство своей неопределенности препятствует г. Панаеву писать столько, сколько от его таланта в праве ожидать публика: в таком случае самый недостаток в деятельности заслуживает уважения, как залог будущей многоплодной деятельности.

Три новые повести напечатаны в прошлом году даровитою и безвременно угасшею г-жою Ган (Зенеидою Р-вою): «Напрасный дар» и «Любонька» в «Отечественных записках» и «Ложа в Одесской опере» – в «Дагерротипе». «Любонька» принята публично с восторгом, в котором не должно мешать ей оставаться; «Напрасный дар», сверкающий искрами высокого таланта, хотя и невыдержанный в целом, восхитил только немногих: такова участь всех произведений, в которых, при блесках яркого вдохновения, есть что-то недоговоренное, как бы неравное самому себе. В таком случае чем сильнее и выше взмах, тем недоступнее для всех и каждого внутреннее значение произведения: толпа видит одни внешние недостатки... «Ложа в Одесской опере» принадлежит к самым слабым произведениям г-жи Ган. Впрочем, по выходе полного собрания ее сочинений мы скоро будем иметь случай подробно изложить наше мнение об этой необыкновенно даровитой писательнице. {27}

Г. Кукольник напечатал в прошлом году несколько повестей, из которых две заслуживают почетного упоминания: «Благодетельный Андроник, или романтические характеры старого времени» (в «Библиотеке для чтения») и «Позументы» (во II томе «Сказки за сказкою»). Содержание обеих этих повестей взято талантливым автором из эпохи Петра Великого. Мы уже не раз имели случай говорить о неподражаемом мастерстве, с каким г. Кукольник изображает в своих повестях нравы этого интереснейшего момента русской истории, и, верные нашему правилу – *Summum siquie* [4], не раз отдавали должную справедливость достоинству повестей г. Кукольника в этом посчастливившемся ему роде. Если б г. Кукольник издал отдельно эти повести, рассеянные в журналах и альманахах, они имели бы большой и притом заслуженный успех в публике. Не понимаем, что за охота ему вместо того, что так сродно его таланту, тратить время и бумагу на романы и повести, в которых он изображает страны, им невиданные, и эпохи, знаемые им только по изучению и какому-то отвлеченному представлению?.. – Уж если писать роман, не лучше ли писать его из времен столь живо и ясно присутствующих в созерцании автора... Г. А. Н. (автор «Звезды» и «Цветка») напечатал в прошлом году только одну повесть – «Живая картина» (в «Отечественных записках»), впрочем уступающую в достоинстве прежним его повестям. {28} Г. Вельтман поместил в «Библиотеке для чтения» весьма занимательный и живо написанный рассказ «Карьера», которому, впрочем, как типическому очерку, приличнее было бы явиться в «Наших». – Казак Луганский {29} напечатал в прошлом году только одну повесть «Савелий Граб или Двойник» (во II томе «Сказки за сказкою»; в «Библиографической хронике» этой книжки «Отечественных записок» читатели найдут наш отзыв об этой повести). – К замечательнейшим повестям прошлого года принадлежит повесть графа Растопчина «Ох, французы!» (в «Отечественных записках»). В этой повести совсем нет никаких французов, но зато она сама есть верное зеркало нравов старины и дышит умом и юмором того времени, которого знаменитый автор был из самых примечательнейших представителей. – Юмористические статьи, печатавшиеся в «Наших», все более или менее замечательны по их стремлению – быть выражением действительности, а не пустых фантазий.

Вот и полный бюджет всего, что было самого замечательного по части повестей в прошлом году. Немного, очень немного, но, как сказал поэт:

Быть так – спасибо и за то!

Из сборников самым примечательнейшим был «Утренняя заря», альманах г. Владиславлева. «Утренняя заря» на нынешний 1843 год, по содержанию, гораздо выше всех предшествовавших годов. Если б в этом альманахе была только одна статья покойного генерала М. Ф. Орлова «Капитуляция Парижа», а все остальное не превышало посредственности, – и тогда бы он был замечательным явлением, но в «Утренней заре», кроме превосходной во всех отношениях статьи М. Ф. Орлова, есть еще повесть графа Соллогуба, о которой мы говорили выше, большое стихотворение Лермонтова и два очень интересные рассказа гг. Кукольника и Гребенки. – Третий том «Русской беседы», вышедший в прошлом году, не оправдал ожиданий публики: он состоял из разного хлама некоторых старых и уже выписавшихся сочинителей, которые были рады куда-нибудь сбросить жалкие плоды своих старых досугов, и разных новых сочинителей, которые рады были, что, наконец, нашли приют своим литературным уродцам и недоноскам. – «Альманах в память 200-летнего юбилея Александровского университета» был издан по случаю и содержит в себе несколько интересных статей, относящихся к стране и событию, которое было причиною его появления.

Роскошные издания более и более входят в обычай в нашей литературе. Успех «Наших» возбудил и в других охоту издавать нечто в том же роде, под названием «Картинок русских нравов», которые, как красивенькие игрушки, имеют свое достоинство, но как книги – никакого, ибо это сбор или старого, давно известного, или новые пустяки, на скорую руку намазанные для такого казуса. Успех изданной г. Семеново-Крамаревским «Истории Наполеона», с политипажами картин Ораса Берне, породил компиляцию г. Ламбина, с чудовищными политипажами работы плохих рисовальщиков, и «Историю Суворова» г. Полевого – нечто вроде обыкновенной компиляции с посредственными по изобретению и довольно недурными по выполнению политипажами; и еще другую историю Суворова, которая грозит скоро появиться... «Театральный альбом» – истинно великолепное издание, имеет свое значение и идет своим путем. Доселе вышло его два выпуска. «Константинополь и турки» тоже принадлежит к хорошим и полезным изданиям с картинками. «Картины русской живописи» представляют собою издание, заслуживающее внимания и участия публики. К такого же рода изданиям должно отнести и «Архитектурные фантазии» г. Шрейдера. Великолепное издание «Робинзона Крузо» Даниеля Дефо, с рисунками Гранвиля в переводе с английского г. Корсакова, принадлежит к числу действительно роскошных и полезных книг. Шумно затеянный какими-то молодыми людьми перевод всех сочинений Гёте остановился на втором выпуске. Едва ли кто пожалеет о прекращении этой детской затеи. Напротив, перевод «Шекспира», предпринятый г. Кетчером, хотя не быстро, но тем не менее прочно подвигается вперед. Прошлый год оставил его на десятом выпуске. Драматические хроники Шекспира уже кончены, и скоро появится «Комедия ошибок» и «Макбет». Из отдельно вышедших книг по части изящной словесности почти не о чем и упомянуть, кроме того, о чем мы уже говорили, приступая к этому обзору. Можно только вспомнить разве о второй части «Парижа в 1838 и 1839 годах» г. В. Строева; впрочем, эта вторая часть вышла вместе с первой, напечатанною в 1841 году... Неужели говорить о «Комарах», о «Снопах», о «Дагерротипах»^{30} и тому подобных плевелах на поле русской литературы?.. Если еще можно о чем упомянуть здесь кстаи, так разве о «Драматических сочинениях и переводах» г. Полевого, и то для того только, чтоб заметить, что наша драматическая литература составляет какую-то особую сферу вне русской литературы. Гений ее – г. Кукольник; ее первоклассные таланты – гг. Полевой и Ободовский; за ними идет уже мелочь... Из отдельно вышедших книг серьезного содержания нельзя не упомянуть о следующих: «Кесари» Шампаньи (Нерон); «Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях» (последняя из этих книг столь же дурно переведена, сколько первая хорошо); «Политическая и военная жизнь Наполеона» (часть 6 и последняя); «Юридические записки» г. Редкина (том II); «Всеобщая география» Бланка (том I; перевод небрежен, издание неопрятно); «Сочинения Платона» (т. II); «Филологические наблюдения протоиерея Г. Павского над составом русского языка» (три части); «Замечания об осаде Троицкой лавры»; «Записки Данилова» (любопытнейшая картина нравов русского общества за сто лет пред сим); «Записки Нащокина», изд. Языковым, с примечаниями издателя; «Священная история» (автора «Путешествия ко святым местам»); «Историческое описание одежд и вооружения российских войск» с превосходно налитографированными рисунками – одно из тех монументальных изданий, какие могут предприниматься, особенно у нас, только разве правительством. Текст этого превосходного творения – труд г. Висковатова.

Вышли вторым изданием «Сказания князя Курбского». Пятое издание (компактное, в 4

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
томах) «Истории государства российского», предпринятое г. Эйнерлингом, было бы истинным подвигом со стороны издателя, если бы дешевизна издания соответствовала его красоте, изяществу, удобству и полноте.

Теперь слова два о журналах. Кроме исчисленных выше сочинений по части изящной словесности, в «Отечественных записках» были помещены еще следующие: «Беснующиеся. Орлахская крестьянка» князя Одоевского, помещающего статьи свои под псевдонимом Безгласного; «Сеня», повесть г. Гребенки; «Ямщик, или шалость гусарского офицера», драматическая картина в одном действии графа Соллогуба. Из переводных статей по части изящной словесности – роман Диккенса «Бэрнеби Родж», роман Жоржа Занда «Орас», повесть ее же «Мельхиор», повести и романы Эли Берте «Сокол», Фредерика Сулье «Маргарита», Огюста Арну «Колесо фортуны», Артюра Дюдлэ «Красная звезда» и испанская драма, переведенная с подлинника: «Никто кроме короля». По части наук и искусств публикую, вероятно, были замечены статьи: «Гёте» г. Липперта, «Коперник» Д. М. Перевощикова, «Система железных дорог в Германии» Фридриха Листа, «Из записок оренбургского старожила», рассказ и повествование, касающиеся Афганистана, В. И. Даля; «Осада Силистрии в 1828 году» и «Дунайская экспедиция 1829 года» П. Н. Глебова; «Выставка Санктпетербургской Академии художеств в 1842 году» В. П. Б-на, «Лечение болезней искусством и натурою» (-и-о-) и пр. По части домоводства, сельского хозяйства и промышленности вообще: статьи Пензенского земледельца, статью Русского помещика (XI книжка) «Замечания на статью г. Хомякова: «О сельских условиях», «О пьянстве в России» Н. Б. Герсеванова и пр. Так как критические статьи всегда бывают выражением мнения самой редакции, то мы можем назвать в отделе критики нашего журнала интересными статьями только статьи гг. Герсеванова и Мордвинова о Сибири и г-на Галахова о грамматиках г. Перевлеского, как доставленные в редакцию от посторонних сотрудников; а некоторые из прочих почитаем себя вправе поименовать, предоставляя самой публике судить о их достоинстве или недостатках: «Русская литература в 1841 году», «Стихотворения Аполлона Майкова», «Руководство к всеобщей истории Фридриха Лоренца», «Стихотворения Полежаева», «Кесари Ф. де Шампаны», «Речь о критике, профессора А. В. Никитенко» (три статьи), «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души», «Стихотворения Баратынского» и пр. Равным образом, мы имеем право, не нарушая скромности, сказать, что библиографическая хроника в «Отечественных записках» всегда была живою современною летописью русской литературы; в ней не пропущено ни одной книги, изданной в России на русском и иностранных языках, и потому полнотою она превосходит все подобные отделы в других журналах. В отделе «Иностранной литературы» редакция всегда старалась представлять своим читателям по возможности полную картину современных литератур Франции, Англии и Германии. В «Смеси» читатели наши находили подробный отчет о русской драматической литературе и много интересных оригинальных статей, из которых достаточно указать на ряд статей под рубрикою «Поездка в Китай», которые будут продолжаться и в нынешнем году.

Судить о духе и направлении «Отечественных записок», характере критики сравнительно с критикою других журналов – предоставляем публике.

«Библиотека для чтения» дебютировала в своей первой книжке за прошлый год второю частию повести барона Брамбеуса «Идеальная красавица, или Дева чудная», которой первая часть была напечатана в последней книжке «Библиотеки для чтения» за 1841 год; при первой части было замечено, что повесть выйдет в 1843 году вполне и отдельно. Не знаем, с нетерпением ли ждет публика выхода окончания «Девы чудной», или, подобно нам, вовсе не ждет ее; но знаем, что повесть скучна и незанимательна и что в ней нет никакой повести, есть только длинные разглагольствования о том, о сем, а больше ни о чем. Кроме «Девы чудной», в «Библиотеке для чтения» прошлого года были напечатаны и еще две повести, тоже, кажется, барона Брамбеуса: «Падение Ширванского царства» и «Лукий, или первая повесть». Первая очень потешна, а вторая – довольно неудачное искажение известной сказки Апулея «Золотой осел», переведенной по-русски Ермилом Костровым еще в 1780 году, под титулом: «Луция Апулея платонической секты философа превращение, или Золотой Осел. Перевел с Латинского Императорского Московского Университета бакалавр Ермил Костров. В Москве в университетской типографии у Н. Новикова, 1780 года». Кроме этих повестей, «Дурочки Луизы», «Благодетельного Андроника» г. Кукольника и «Карьеры» г. Вельтмана, в «Библиотеке для чтения» прошлого года находятся еще: «Три жениха», итальянская повесть г. Каменского, «Закубанский Харамзадэ», отрывок из романа псевдонима Хамар-Дабанова, не лишенный некоторого интереса, и «Мамзель Бабет и ее альбом» г. С. Победоносцева, тоже отрывок из большого сочинения, но представляющий собою нечто целое – род

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru юмористического очерка, игриво написанного, которому настоящее место было бы в «Наших», ибо это совсем не повесть. Из отдела «Иностранной словесности» в «Библиотеке для чтения» замечательна драма Бернара фон Бескова «Густав-Адольф», переведенная с шведского г. В. Дерикером. Это одно из прекраснейших, возвышеннейших и благороднейших созданий скандинавской музыки, в котором просто, но верно и рельефно воспроизведен исторический образ рыцарственного короля Швеции – утешения и чести человечества, славы и гордости XVII века. Жалеем, что время и место позволяют нам распространиться об этом произведении. Чтобы познакомить несколько с его духом и пафосом, выпишем несколько строк. Оксеншиерна отговаривает Густава-Адольфа от союза с Францией и вообще от вмешательства в дела Германии. «Теперь (говорит Оксеншиерна) вся Германия пылает, как Гекла, и выбрасывает раскаленные камни в соседние страны. Но большая часть этих извержений все-таки падает назад в горящее жерло. Волкана не погасишь; он сам должен выгореть. Этого требует природа». Густав-Адольф отвечает своему министру и другу: «Но спасти из лавы что возможно велит человеколюбие. Землетрясение – биение сердца земли. Времена тоже страдают этою болезнью. Целые поколения гибнут для спасения других поколений. И когда, в эту бурю, ударит священный набат, каждый, в ком есть благородное мужество, спешит в бой за правое дело. Мы пойдем, будем биться, и если падем, то новая рать, с новыми знаменами, пойдет по нашим трупам. Пусть человек умирает, но человечеству должно жить! Пусть сердце разрывается, но цель должна быть достигнута!» Превосходно изображено в этой драме мрачное лицо свирепого и невежественного фанатика и великого полководца – Тилли. Вообще публика должна быть вдвойне благодарна г. Дерикеру – и за прекрасный перевод, и за прекрасный выбор такого освежающего душу произведения. Из статей ученого отдела в «Библиотеке для чтения» не на что указать в особенности. Статья «Жизнь Шиллера» была бы чрезвычайно интересна, ибо заимствована из прекрасно составленной книги Гофмейстера, обнимающей жизнь великого германского поэта до самых мелочных и тем еще более интересных подробностей: но чего можно ожидать и требовать от статьи в два печатные листа, в которую скомкано содержание огромных четырех томов? Самое лучшее в этой статье – ее заглавие, а сама статья – фальшивая тревога. В отделе «Наук и художеств» помещена также статья г. Сенковского «Сок достопримечательного. Записки Ресми-Ахмед Эфендия, турецкого министра иностранных дел, о сущности, начале и важнейших событиях войны, происходившей между Высокою Портою и Россией от 1182 по 1190 год гиджры (1768–1776)». Мнение об этой статье разделено на две крайности: одни думают, что это – повесть, и притом фантастическая, во вкусе повестей барона Брамбеуса; другие убеждены, что это – перевод исторического сочинения с турецкого подлинника. Не зная турецкого языка, мы не можем решить вопроса и держимся середины, то есть думаем, что это действительно перевод с исторического сочинения, но украшенный, в приличных местах, брамбеусовским юмором, выдумками и шутками, для красоты слогу. – Статья «Александрийская школа» интересна фактически, но лишена истинного взгляда на этот величайший факт в истории древнего мира. Александрийская школа – это последний плод философии древнего мира, и ее история – история философии древнего мира, а «Библиотека для чтения», как известно всем, не любит, не знает и не понимает никакой философии – ни древней, ни новой. – Прочие ученые статьи в «Библиотеке для чтения», каковы: «Лаплас», «Вольт», «Тихон Браге», «Иоанн Кеплер» и т. п., которыми этот журнал с особенным усердием угощает своих читателей, должны были бы давно уже выйти из моды, как бесполезные и скучные. Смешно и думать, чтоб можно было следовать по журнальным статьям за ходом таких наук, как математика, астрономия, физика, химия, физиология, естествознание, особенно рассматриваемые исключительно с эмпирической точки зрения. Чтобы сделать такую статью доступною для публики, читающей исключительно литературные журналы, надо упростить ее до такой степени, что в ней не останется никакого ученого содержания; а изложить ее для ученых – значит сделать ее недоступною для публики: в обоих случаях выходит много шума из пустяков. Для всякого интересна биография такого человека, как, например, Галилей; но в ней великий ученый преимущественно должен быть изображен с его нравственной стороны, как человек, как мученик знания, дышавший религиозным благоговением, к святости истины, которая составляет предмет науки. Такая биография будет иметь интерес общий, будет всем доступна и полезна. Биография же, имеющая предметом показать и оценить ученые заслуги великого человека, может иметь место только в специально ученых изданиях, где нет нужды разжигать и опошлять их строго ученого содержания. А вот такие статьи, где Сократ представляется надувалою, по-настоящему не должны бы иметь места ни в каком журнале... О критике «Библиотеки для чтения» нечего говорить: всем известно, что это критика сухая, состоящая большею частью из выписок и притом занимающаяся книгами, которые не могут возбуждать общего интереса. Литературная летопись в «Библиотеке» совсем было заснула, если б ее не разбудили «Мертвые души»: тогда

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru она проснулась, начала вопить, кричать; но в «Отечественных записках» в ответ на эти крики была пропета такая песенка, от которой Летопись, повидимому, снова погрузилась в летаргический сон. {31} «Смесь» в «Библиотеке» попрежнему состояла из разных переводных статей, большею частью касающихся до разных предметов физики, химии, медицины и естествознания.

В «Современнике» попрежнему помещались стихотворения Баратынского, Языкова, кн. Вяземского, графини Растопчиной, г. Мятлева, г. Айбулата и проч. и интересные рассказы и повести Основьяненка, барона Корфа и других; ученые статьи гг. Неведомского, Петерсона; критика и библиография отличались попрежнему сжатою краткостью слога. Самыми замечательными статьями в «Современнике» прошлого года были: «Хроника русского в Париже», «Нибелунги», критика: «Мертвые души» и «Портрет», повесть Гоголя.

В «Москвитянине» бездна стихов: это оттого, что в Москве вообще много пишется стихов; а где пишут много стихов, там почти совсем не пишут прозы или отдают ее в петербургские журналы, – и потому в «Москвитянине» почти совсем нет прозы. «Рим» Гоголя попал в этот журнал не из Москвы, а из Рима. Кроме этой повести, в «Москвитянине» есть еще: отрывок из «Мирошева», прибывший в Петербург вместе с целым и отдельно вышедшим «Мирошевым»; «Сердечная Оксана», перевод малороссийской повести г-на Основьяненка; «Месяц в Риме», из дорожных записок г. Погодина, которые всем доставили столько разнообразного удовольствия красотой слога, энергической краткостью выражения и небывалой еще в подлунном мире оригинальностью мыслей; «Колшичизна и Степи», рассказ Эдуарда Тартье, переведенный с польского; «Черная маска», повесть барона Розена; «Неаполь» (еще из записок г. Погодина); «Вологда» (еще-таки из записок г. Погодина); «Одна из женщин XIX века», повесть Б.....; «Женщина, поэт и автор», отрывок из романа г-жи А. Зражевской. Это, должно быть, преинтересный роман: в нем изображено высшее общество – действуют все князья и княжны, графы и графини; имена героев самые романические – Лировы, Альмские, Сенирские, Минвановы, Днестровские, Пермские и т. п. Тут изображена поэтка, выражаясь языком сочинительницы, которая пишет и читает вслух, впрочем, довольно плохие стихи. Жалеем, что по недостатку места не можем сделать выписок из этого отрывка; зато, когда выйдет роман, мы вдоволь насытимся этим удовольствием. По отрывку видно, что таких романов, после девицы Марьи Извековой, на Руси еще не было. Мы сказали, что прозы в «Москвитянине» мало, а сами выписали столько заглавий статей: это не покажется противоречием для тех, кто читал эту коротенькую «прозу». Из ученых статей в «Москвитянине» замечательна статья профессора Лунина «Взгляд на историографию древнейших народов Востока». Критика «Москвитянина» составляет душу этого журнала и замечательна в той же мере, как и он сам. Притом только критика да стихи и представляют собою литературную сторону «Москвитянина»: все остальное в нем какая-то пестрая смесь неважных исторических материалов с газетными известиями. Изумительнее всех возможных материалов – «Письма Пушкина к Погодину» (№ 10 «Москвитянина»): мы думаем, прах Пушкина пошевелился в могиле от напечатания в журнале этих писем, писанных совсем не для печати. В них Пушкин уверяет г. Погодина, что его «Марфа Посадница» – великое шекспировское произведение: это, верно, ирония, которая не понята авторским самолюбием... «Москвитянин» взял на себя решение важной задачи о самобытности русского развития, мимо Запада, и, вероятно, решит ее удовлетворительно и положительно в нынешнем году, а в прошлом заметно только отрицательное решение. Подождем. Бог не без милости, а «Москвитянин» не без средств и не без охоты решить все интересные для себя вопросы.

О «Сыне отечества» и «Русском вестнике» мы можем сказать только, что первый из этих журналов запоздал в прошлом году четырьмя книжками, а «Русский вестник», запоздавший в 1841 году двумя книжками, в прошлом запоздал шестью, выдав в одной книжке 5 и 6 номера и поместив в них «Мать-испанку», драму г. Полевого.

«Репертуар», по свидетельству собственных опекунов своих, был так плох в прошлом году, что совершенно охладил к себе публику. См. № 256 «Северной пчелы».

Кстати о «Северной пчеле»: она все та же, какую была и всегда, и потому, не желая повторять сказанного о ней в прошлогоднем обозрении русской литературы (см. «Отечественные записки» 1842 года, № 1, в отделе «Критики», стр. 43), мы ни слова о ней не скажем. Лучше вместо того пожелаем, чтобы преобразовываемый с начала нынешнего года «Русский инвалид» был во всех отношениях настоящей официальною, политической и учено-литературною газетою, чего мы имеем полное право надеяться.

«Литературная газета» была верна своему назначению. Представляя публике повести и рассказы, она исправно извещала ее обо всех литературных и театральных новостях и рассуждала с дамами о модах.

Новый детский журнал «Звездочка», издаваемый г-жою Ишимовою, оправдал ожидания публики и рекомендации других журналов. Верный своему назначению, он доставлял своим маленьким читателям сколько приятное и разнообразное, столько и полезное чтение. Слог статей его не оставляет желать ничего лучшего.

Может быть, многие увидят противоречие в нашем воззрении на русскую литературу в последнее время с отчетом о ее бюджете за прошлый год, бедности которого мы сами не скрываем. Для таких читателей заметим, что мы в своем воззрении руководствовались не числом, а качеством произведений. Сущность и дух литературы выражается не во всех ее произведениях, а только в избранных. Пусть число этих «избранных» будет невелико, но как они лучшие, то они и представители литературы. Когда литература умирает на своей засохшей почве, тогда не может явиться ни одного превосходного творения, а прошлый год подарил нас «Мертвыми душами»... Притом же если теперь и много представляется явлений посредственных и плохих, то разве нельзя назвать успехом и литературы, и общественного вкуса то обстоятельство, что такие произведения тотчас же оцениваются как следует и не пользуются никаким успехом?..

Примечания

«Отечественные записки», 1843, т. XXVI, № 1, отд. 1, стр. 1–26 (ценз. разр. 31 декабря 1842). Без подписи.

Данный обзор посвящен целиком анализу явлений современной русской литературы. Здесь отсутствуют обычные для Белинского исторические экскурсы в литературу XVIII века. Внимание критика сосредоточено на «Мертвых душах» и той бурной полемике, которую они вызвали в прошлом году, на Майкове и Баратынском, на Соллогубе и Панаеве, на различных сборниках и периодических изданиях. Исключительный интерес Белинского к вопросам современной литературы был связан с очень важным выводом, к которому он пришел именно в это время, что русская литература стала, наконец, органом общества, что общественное сознание в России преимущественно выражается в литературе.

Чрезвычайно важной является постановка Белинским вопроса о реализме и романтизме. Здесь уже нет места абстрактному противопоставлению реализма романтизму, которое было свойственно критику в период «примирения с действительностью». Тогда Белинский выступал решительным противником романтизма вообще, ибо любое его проявление воспринималось им как отрыв от реальной действительности.

С самого начала 40-х годов Белинский вносит существенный корректив в свое понимание этой проблемы и постепенно приходит к отчетливой постановке вопроса о двух типах романтизма. Уже в прошлогоднем обзоре он дал характеристику романтизма как внутреннего мира человека. Обаятелен этот мир! – восклицает Белинский, но тут же предупреждает: «Горе тому, кто, соблазненный обаянием этого внутреннего мира души, закроет глаза на внешний мир и уйдет туда, вглубь себя...» К этому бесплодному антиобщественному романтизму Белинский относится резко отрицательно.

Критика подобного типа романтизма находит свое продолжение в настоящей статье. Историческую роль романтизма в России Белинский видел в том, что он расчистил арену литературы, «заваленную сором и дразгом псевдоклассических предрассудков», освободил искусство от владычества в нем «классических колпаков». Однако ограниченность романтизма 20-х годов и его эпигонов в 30-е годы, по мнению Белинского, состоит в том, что он утверждал поэзию формы и мало заботился о содержании: то была поэзия, чуждая мысли, жизни. Этот романтизм является уже вчерашним днем русской литературы. Характерной чертой нового периода в развитии русской литературы является ее «сближение с жизнью, с действительностью», ставшее прямой причиной ее «мужественной зрелости».

Отвергая реакционный романтизм, Белинский, однако, вполне признает правомерность романтизма прогрессивного, органически связанного с действительностью и способствующего ее развитию. По существу Белинский здесь уже ставит вопрос о

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
связи прогрессивного романтизма с реализмом.

Основная мысль, которая проходит через всю статью Белинского, сводится к тому, что без современного содержания, без «живого, кровного сочувствия к современному миру» невозможно никакое искусство. Писатель должен быть верен действительности – с этим требованием Белинский подходил к литературе еще в самом начале своей критической деятельности, оно было отчетливо сформулировано еще в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя». Но сейчас такая постановка вопроса уже недостаточна для Белинского. Помимо «верного такта действительности», художник должен еще обладать «достоинством идеального содержания». Одно должно быть неразрывно связано с другим.

К чему приводит пренебрежение одним из этих двух взаимно связанных условий, Белинский показывает на примере Соллогуба. Его повести отличаются, по мнению критика, верностью действительности. Но беда в том, что писатель только этим ограничивается. Соллогуб словно остается равнодушным к своим изображениям, его произведения лишены пафоса «субъективности». И это обстоятельство свидетельствует об отсутствии у писателя «горячих убеждений, глубоких верований».

Белинский здесь приближается к одному из важнейших положений в своей концепции реализма, которую он подробно и всесторонне будет аргументировать в обзорах русской литературы за 1846 и 1847 годы. Объективность реализма должна сочетаться со страстной «субъективностью» художника. Вопрос о новой форме романтизма Белинский ставил в связи с проблемой положительного идеала у современного писателя.

Художественное произведение должно быть результатом не только поэтического инстинкта, непосредственного акта творчества, но и сознания писателя. Таково новое требование, которое Белинский предъявляет к реалистическому искусству.

Полный текст статьи до нас не дошел. Цензура вымарала в ней, по свидетельству самого критика, «все лучшее» – целый печатный лист. Сообщая об этом Боткину, Белинский добавляет: «а я эту статью очень дорожил, ибо она проста и по идее и по изложению» («Письма», т. II, стр. 331).

Однако и в урезанном виде обзор представляет большой интерес – не только конкретными оценками отдельных писателей (здесь, в сущности, повторяются выводы основных статей 1842 года), но и указанными общими теоретическими положениями.

Сноски

1

«Собор Парижской Богоматери». – Ред.

2

Усилие. – Ред.

3

Неведомая земля. – Ред.

4

Каждому свое. – Ред.

Комментарии

1

Доминик Франсуа Араго (1786–1853) – известный французский ученый-физик и астроном. Не следует смешивать с Жаком Араго – драматическим писателем, автором

2

Здесь имеются в виду Булгарин и Н. Полевой. Белинский писал уже однажды о частых ссорах двух литераторов, «соединенных издавна приятелью» (см. «Литературные журнальные заметки», – «Отечественные записки», 1842, т. XXIV, № 10).

3

Порфирий Байский – псевдоним писателя Ореста Сомова (1793–1833).

4

Все это рассуждение направлено против Н. Полевого, называвшего Пушкина «то северным, то русским Байроном».

5

Намек на Языкова.

6

Об отношении Белинского к Бальзаку см. в наст. томе примеч. 161.

7

Жакоб Библиофил – псевдоним французского писателя Поля Лакруа.

8

Белинский говорит о Жорж Занд.

9

Здесь почти буквально повторяется оценка статьи Полевого о сочинениях Державина, данная Белинским в предшествующем годовом обзоре. Статья Полевого, первоначально опубликованная в «Московском телеграфе» (1832, №№ 15, 16, 17), была им позднее перепечатана в первой части «Очерков русской литературы» (Спб., 1839).

10

Речь идет о IV главе «Арапа Петра Великого», впервые напечатанной в альманахе «Северные цветы» на 1829 год. Белинский чрезвычайно высоко ценил это незаконченное произведение Пушкина. «Как жаль, что Пушкин не кончил этого романа! – писал Белинский в 1838 году. – Какая простота и вместе глубокость, какая кисть, какие краски! Да, если бы Пушкин кончил этот роман, то русская литература могла бы поздравить себя с истинно художественным романом» («Московский наблюдатель», 1838, т. XVI, март, кн. I, стр. 158. Полн. собр. соч., т. III, стр. 291).

11

Н. В. Гоголь.

12

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
«Московский критик» – конечно, Шевырев.

13

Цитата из «Горя от ума» (из монолога Репетилова в IV действии).

14

Булгарин, Сенковский, Полевой.

15

К. Аксаков, Шевырев.

16

Под «третьими» Белинский имеет в виду себя.

17

«Некоторые сами когда-то тянулись в храм поэтического бессмертия» – Булгарин, Полевой. «Другие...» – Сенковский.

18

Белинский говорит о Булгарине, ниже – о Сенковском.

19

Под «славянофилами» имеются в виду Шишков и его приверженцы.

20

См. в наст. томе.

21

См. в наст. томе.

22

Рецензия на это издание напечатана в «Отечественных записках», 1842, № 12. Белинский здесь еще раз подтвердил свою оценку поэзии Бенедиктова – «чуждой действительного содержания, а следовательно, и действительной жизненности».

23

Л. П. – Лев Пушкин, брат А. С. Пушкина.

24

Об этом романе Белинский писал в «Отечественных записках», 1842, № 3 (см. «Письма», т. II, стр. 282).

25

Русская литература в 1842 году. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Почти обо всех этих романах Белинский писал в своих рецензиях в 1842 году (см. Полн. собр. соч., т. VII).

26

Первая из пьес принадлежала Полевому, вторая – П. Ободовскому.

27

См. примеч. 66 в наст. томе.

28

Белинский говорит о Булгарине, ниже – о Сенковском.

29

Псевдоним писателя В. И. Даля.

30

Первое из этих изданий принадлежало Булгарину, третье – Кукольнику. Что касается второго, то Белинский имеет в виду или «Сніп» Александра Корсуна (см. рецензию Белинского, Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 83–84) или «Колосья. Сноп первый» В. М. <ежевича> (см. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 458–460), а может быть, и то и другое.

31 Белинский намекает на свою статью «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке» (см. наст. том).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!